

МИНАЕВА Л. В., ФЕДЕНЕВ В. Б.

«ПАРОНИМИЯ» В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Одним из основных направлений лексикологии, основы которого были заложены в трудах В. В. Виноградова и А. И. Смирницкого [1, 2] является изучение соотношения и взаимодействия внешней и внутренней сторон слова на фоне более широкой проблемы нарушения «закона знака» в естественном человеческом языке. Среди понятий, которые так или иначе связаны с этой проблемой, — полисемия, омонимия, синонимия, паронимия — последнее до сих пор остается наименее ясным [3—5]. Это не значит, конечно, что мы вообще не имеем определения паронимов. Паронимы — это «слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи» [6, с. 313]. Но в практике исследования паронимии языковед сталкивается с чрезвычайно сложной метаязыковой ситуацией, когда целый ряд терминов используется для обозначения сходных, если не тождественных явлений («паронимы», «паронемазия», «паронимическая аттракция», «народная этимология», «малапропизм», «тетерофемия», «квазимономимия»). Поэтому необходимо более глубокое изучение материала, чтобы, во-первых, выяснить, в какой степени паронимия соотносима с такими понятиями, как полисемия, омонимия, синонимия и т. д., и, во-вторых, решить, какое из приведенных металингвистических обозначений следует принять за основу.

Обратимся сначала к материалу словарей, поскольку именно эмпирическое обследование словарей французского языка дало очень интересные результаты [7]. Сплошной анализ словарей трудных случаев словоупотребления, словарей лексических ошибок, словарей паронимов [4; 8—17] позволяет наметить две тенденции в подборе включенных в них слов. Прежде всего сравнительно легко выделяются слова, в отношении которых установлено, что они могут смешиваться людьми, недостаточно хорошо владеющими языком. К этим случаям относятся такие, например, пары, как русск. *всякий* — *всяческий*, *динамичный* — *динамический*, *вручить* — *всучить*, *компанейский* — *кампанейский*, *вперемежку* — *вперемешку*, англ. *enquiry* — *inquiry* «запрос, расследование», *promptitude* — *promptness* «быстрота, проворство», *cord* «пинагат» — *chord* «струна», *specially* «специально» — *especially* «особо, особенно», *elementary* «элементарный» — *elemental* «стихийный» и т. д.

Подобно тому как нет однородности в характере и содержании словарей, послуживших материалом нашего исследования, так и включающиеся в них слова оказываются, по существу, различными, поскольку чуть ли не в каждом конкретном случае мы сталкиваемся с особым видом нарушения «закона знака» в языке. В сопоставляемых словах переплетаются такие категории, как варианты слов, неомографические омонимы, квази-омонимы, однокоренные слова, сходные по значению слова, которые можно определить как синонимы¹, и т. д. Во всех парах семантическая близость и сходство соответствующих слов в плане выражения в большей или меньшей мере зависят друг от друга, но не связаны отношениями взаимно-однозначного соответствия.

¹ Синонимы — это «те члены тематической группы..., которые а) принадлежат к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [6, с. 407]

Что же является основанием для включения той или другой пары (или группы) слов в словари ошибочного употребления и словари паронимов? Приступая к анализу уже собранного большого и разнообразного материала, следует констатировать прежде всего то обстоятельство, что между включаемыми в словари словами проявляется вполне определенное социолингвистическое различие. Иначе говоря, опасность неразличения таких, например, слов, как русск. *догма* и *догмат*, *дожий* и *дожженный*, *дублет* и *дуплет*, англ. *ethical* «этический» и *ethnic* «этнический», *euphuism* «эвфуизм» и *euphemism* «эвфемизм», с одной стороны, и русск. *блестеть* — *блистать*, *бурун* — *буран*, англ. *crash* «шум, треск» — *clash* «столкновение», *glance* «мельком взглянуть» — *glimpse* «мельком увидеть», с другой, отнюдь не является универсальной, а зависит от уровня языковой культуры говорящего. Приведенные выше пары не только потенциально, но и реально смешиваются в речи людей, недостаточно хорошо владеющих языком.

Однако некоторые словари [4, 14, 16] включают и такие пары, как, например, русск. *ампула* — *ампула*, *бидон* — *бетон*, *ветеран* — *ветеринар*, *дворняга* — *дворянка*, *жилет* — *жакет*, *канализатор* — *колонизатор*, *ягодница* — *ягодница*, англ. *arch* «арка» — *arcane* «тайный, скрытый», *absence* «отсутствие» — *abstinence* «воздержание, трезвенность», *costume* «костюм» — *custom* «обычай», *canopy* «балдахин» — *panoply* «доспехи», *stunt* «демонстрировать смелость, ловкость» — *stultify* «выставлять в смешном свете», *tinker* «лудить, паять» — *tamper* «вмешиваться, портить», *except* «исключать» — *exempt* «освобождать», и т. п. Пары этого рода резко отличаются от случаев, описанных выше. Если раньше в центре внимания были различные нарушения «закона знака», носившие более или менее явный характер, то в этом случае значения сопоставляемых слов настолько не имеют ничего общего, а формы так различны, что становится совершенно непонятным, как они могут быть «ошибочно употреблены» в речи. При выделении этих слов допускается явная переоценка звуковой стороны лексических единиц в ущерб стороне семантической. Такие «ошибки» могут быть сделаны только абсолютно неграмотными людьми, которые совершенно не владеют литературным языком, поэтому вряд ли можно считать целесообразным включение подобных пар в словари.

К сказанному следует добавить следующее. В научной литературе твердо установлено понятие квази-омонимии, которое было особенно глубоко разработано в связи с изучением так называемых «минимальных пар», получивших детальное описание на материале английского языка в трудах представителей американской дескриптивной лингвистики. Известно, что они имеют существенное значение для определения семиологически релевантных противопоставлений в фонологической системе данного языка (например, *cat* «кот» — *cap* «кепка», *bill* «счет» — *pill* «таблетка», *dog* «собака» — *dock* «док» и т. п.). Понятно, что на дифференциальном уровне в центре внимания оказывается простое противопоставление звуковых оболочек слов, используемое с целью выявления различающих их фонем, которые являются односторонними единицами. Но противопоставления этого рода нельзя смешивать с морфонологическими и, тем более, с морфологическими оппозициями, где на передний план выдвигается единство содержания и выражения. На морфонологическом уровне, например, мы сразу же сталкиваемся с качественно изменившимися звуковыми противопоставлениями. Если на фонологическом уровне /k/ и /dʒ/ являются разными фонемами, выполняющими функцию различения, например, таких слов, как *sake* /keik/ «пирог» и *sage* /keidʒ/ «клетка», то на морфонологическом уровне те же звуки оказываются вариантами одной и той же морфемы, т. е. указывают на единство звуковых оболочек корневых морфем, например, таких слов, как *correct* /kə'rekt/ «исправлять» и *corrigible* /'kɔridʒəbl/ «исправимый». Нельзя, следовательно, объединять *брал*, *врал*, с одной стороны, и *аврал*, *бал*, с другой, только потому, что и те, и другие оканчиваются на -л. В первом случае -л является двусторонней единицей (т. е. имеет не только форму, но

и закреплённое за ней морфологическое содержание), а во втором случае — это единица односторонняя.

Из сказанного следует, что такие пары, как *ампула* — *амплуа*, *дворняга* — *дворянка* и т. п., не имеют отношения к нарушениям «закона знака» в естественном языке (это приобретает особое значение в аспекте обучения правильному словоупотреблению), а представляют собой весьма неопределённую категорию, не поддающуюся описанию в плане языковых противопоставлений².

Какова же роль термина «пароним»? Дело в том, что хотя все виды и разновидности лексических ошибок (т. е. ошибок словоупотребления) как будто имеют некоторые общие свойства, однако имеющиеся лексикографические пособия, стремящиеся помочь пользующемуся языком предупредить ошибки или подсказать возможность словесной игры, не дают оснований для выделения «паронимов» в отдельную подсистему. Так, в восьми английских словарях [10—17] мы находим только одну пару слов (*affect* — *effect*), которые признаются их авторами как требующие разъяснения. Что же касается большинства включённых в словари правильного словоупотребления пар (или рядов) слов (такие ряды обычно приводятся для того, чтобы предостеречь пользующихся языком от смешения соответствующих слов в речи), то, как было показано выше, этот материал далеко не однороден и может быть подведён под уже установившиеся понятия, а именно: варианты слова, неоморфические омонимы, однокоренные синонимы и т. д. Овладевая более сложными формами своего родного языка, говорящий не может не затрудниться из-за отсутствия в нём совершенно определённого и вполне однозначного соответствия формы и содержания. Он вновь и вновь оказывается в трудном положении, когда две лексические единицы настолько близки по звучанию и значению, что приходится специально разъяснять существующую между ними разницу. При этом разнообразие случаев настолько велико, что оно с трудом поддаётся классификации в соответствии с уже установленными таксономиями, причем особенно трудно (а может быть, и невозможно) оказывается выделить четкую подсистему из всего этого многообразия, закрепив за ней термин «паронимы».

Следует также подчеркнуть, что специальными исследованиями была установлена принципиальная невозможность определения предела фонетического варьирования сопоставляемых слов в английском языке [19]. Конечно, в некоторых случаях сходство в плане выражения можно объяснить, исходя из вариантов произношения тех или иных слов в лексической системе языка. Так, например, в парах *imminent* «близкий» — *eminent* «возвышенный», *immigrant* «иммигрант» — *emigrant* «эмигрант» наблюдается замена /i/ и /e/. Смещение слов, противопоставляемых на основе данной фонетической оппозиции, будет вполне понятно, если учесть, что это же чередование характерно для фонетических вариантов слов, например, *elicit* «извлекать» /i'lisit/, /e'lisit/, *elimination* «исключение» /i,li'mi'neiʃn/, /e,li'mi'neiʃn/, *elixir* «эликсир» /i'likso/, /e'likso/ и т. п. Однако в целом разнообразие в плане выражения настолько велико, что практически не поддаётся какой-либо систематизации. Таким образом, не только план содержания, но и план выражения не даёт возможности определить паронимы как «эмическую систему», т. е. как подсистему в словарном составе я з ы к а.

Какой же можно сделать вывод из всего сказанного? Видимо, следует вернуться к классическому определению паронимов (см. выше, с. 90). Думается также, что попытки рассмотрения паронимии как я з ы к о

² Сказанное подтверждает мысль А. М. Пешковского: «Работа над паронимами (словами сходными по звукам, но не тождественными) полезна только в том случае, когда они являются одновременно и синонимами. *Корову с короной или горю с голодом* (и соответственно, *ампулу с амплуа, ветерана с ветеринаром*. — М. Л., Ф. В.) никто не смешает, и фиксировать внимание на этих различиях нет нужды. А вот *предвидеть и провидеть, интеллигентный и интеллигентский, смещение и смешение, затмение и татенение* — это все особый вид затруднённых синонимов, причем затруднённость идет именно из звуковой близости» [18].

в о г о явления, которое настолько отчетливо воспроизводится в речи, что представляет собой уже сложившуюся подсистему в общей системе лексики языка, преждевременны. При отделении «паронимов» от вариантов слов, неоморфических омонимов, однокорневых синонимов и т. п. возникают непреодолимые трудности, т. к. паронимы не обладают достаточно устойчивыми признаками, позволяющими выделить их в отдельную подсистему.

Как уже было сказано, наряду с термином «паронимы» в научной литературе используются такие металингвистические обозначения, как «парономазия», «паронимическая аттракция», «народная этимология», «малапропизм», «гетерофемия». Хотя термин «паронимическая аттракция» не имеет точного и металингвистически удобного определения, его тем не менее можно выбрать в качестве наиболее общего названия для того речевого явления, на котором зиждется онтология использования в речи сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава слов. «Паронимическая аттракция» может, таким образом, использоваться для обозначения употребления таких слов в речи как родовой термин, а «народная этимология», «парономазия», «малапропизм» и «гетерофемия» будут тогда служить для обозначения определенных разновидностей паронимической аттракции, т. е. как термины видовые.

Приведем примеры паронимической аттракции в устной разговорной речи и газетном стиле: *В этом городе долго не проживешь: жизнь очень будняя* (нужно: *будничная*. — М. Л., Ф. В.) [8, с. 21]. Слово *будний* встречается только в связанных словосочетаниях, например, *будний день*, поэтому в этом случае фиксируется его ошибочное употребление. *Народ терпел двойственный* (нужно: *двойной*. — М. Л., Ф. В.) *гнет* [8, с. 100]. Слово *гнет* может определяться только прилагательным *двойной*, в то время как *двойственный* сочетается с такими словами, как *решение*, *отношение*, *характер*. *Суп действительно оказался с «галушками» — обжигающе-горячий, дымчатый* (нужно: *дымящийся*, т. е. настолько горячий, что от него идет пар) [8, с. 126]. *Дымчатый* и *дымящийся* также обладают разными сочетательными способностями — первое имеет гораздо более узкое применение и относится, в основном, к цвету. Более сложным случаем является следующий пример: *У него большой опытный* (нужно: *опытнический*. — М. Л., Ф. В.) *талант, много лет работает на поле* [8, с. 201]. Здесь возникают дополнительные сложности, потому что *опытный* — это слово общего языка, а *опытнический* тяготеет к специальной лексике. Разница в частотности употребления может служить основой для ошибочного использования. Ср. следующий пример: *Mr. Bell, Surgeon, deposed, that upon his examining the Body of the Deceased, he found several Bruises and Wounds upon it, but not of consequence enough to effect* (нужно: *affect*. — М. Л., Ф. В.) *her life* [13, с. 19] («г-н Белл, хирург, показал, что при осмотре тела потерпевшей он обнаружил несколько кровоподтеков и ран, которые, однако, не могли привести к смертельному исходу» (а не «вызвать жизнь»). *Effect* значит «вызывать, осуществлять» и может употребляться в словосочетании *to effect death* «привести к смертельному исходу», в то время как *affect* значит «повлиять, оказать воздействие» и встречается в словосочетании *to affect life* «оказать влияние на жизнь». Возьмем еще несколько примеров. *The founder of the movement will be especially: specially*. — М. Л., Ф. В.) *interviewed for the ten o'clock news* [11, с. 166]. «Специально (а не «особо») для передачи вечерних новостей будет взято интервью у основателя движения». В данном случае смешиваются однокоренные слова, которые различаются коллокационно. *Even the crew-quarters underwent a microscopic examination... (The new hands), naturally, were the ones to be watched with extra vigour* (нужно: *rigour*) [13, с. 346]. «Даже помещения команды были подвергнуты тщательному осмотру... Причем за новыми рабочими нужно было следить особенно строго» (а не «с особенной энергией». — М. Л., Ф. В.). Вместо слова *vigour* «сила, энергия» здесь следовало употребить *rigour* «строгость».

Паронимическая аттракция, приобретая достаточную определенность в реальном речупотреблении, получает интересное опосредованное от-

ражение в словесно-художественном творчестве, в речевой характеристике персонажа. Для подтверждения этого тезиса обратимся к материалу английского языка, где использование паронимов обладает целым рядом специфических особенностей. При анализе художественных произведений с точки зрения наличия в них паронимической аттракции выяснилось, что, будучи одним из видов игры слов, она находит широкое применение в речевых характеристиках персонажей и является важным и показательным фактором английской культурно-исторической традиции. Различные каламбуры, игра слов, основанная на омонимии, полисемии, деформации идиомы и т. п., чрезвычайно распространены в английском языке и представляют собой один из наиболее характерных признаков речи англичанина. Неслучайно поэтому, что недавно была сделана попытка даже составить словарь каламбуров, многие из которых широко известны и повторяются снова и снова в разных контекстах [20]. Таким образом, паронимическая аттракция, которая дает писателю возможность использовать в ткани художественного произведения своеобразные «переливы» формы и содержания в слове, имеет вполне определенные социолингвистические корни. Именно поэтому рассмотрение материала английского языка представляет особый интерес.

Изучение произведений английской литературы позволяет выделить три социолингвистически обусловленных типа паронимической аттракции. Прежде всего следует сказать о паронимической аттракции, используемой для создания речевой характеристики невежественного человека, например: *Is this place of abomination consecrated ground? — I don't know nothink of consequential ground, says Jo, still staring* (Ch. Dickens, Bleak House) «Эта трущоба — освященная земля? — Не знаю я никакой освященной (а не «важной». — М. Л., Ф. В.) земли, — отвечает Джо, продолжая смотреть во все глаза». Вместо редкого *consecrated* «освященный» Джо употребляет слово *consequential* «важный», которое он, видимо, слышал, но все равно не знает правил его сочетаемости с другими словами. Ср. также: *Dull. Which is the duke's own person? — Berowne: This fellow. What would'st? — Dull: I myself reprehend his own person, for I am his grace's tharborough: but I would see his own person in flesh and blood* (W. Shakespeare, Love's Labour's lost) «Тупица: Где здесь король собственной особой? Бирон: Вот он, приятель. Чего тебе надо? Тупица: Я самолично представляю (а не «порицаю». — М. Л., Ф. В.) собой его величество, потому что состою констенблем на службе его величества, но мне желательно видеть его особу в телесном обличьи». В приведенном примере из контекста становится ясно, что слово *reprehend* «порицать» смешивается со словом *represent* «представлять». Никакого семантического сходства между сопоставляемыми словами в данном случае нет. Такую ошибку может сделать только абсолютно необразованный человек, который вообще не знает, как употреблять эти слова.

Итак, паронимическая аттракция этого типа выступает в качестве стилистического приема, характеризующего речь необразованного человека. Как правило, паронимическая аттракция этого рода служит признаком речевой характеристики комического простака, персонажа чрезвычайно распространенного в английской классической литературе и особенно в произведениях Ч. Диккенса (ср. речевые характеристики Сэма Веллера, папаши Веллера и др.). В период творчества Ч. Диккенса социолингвистические различия вариантов речи определились уже довольно четко, что и способствовало их художественному осмыслению в литературе. Социальная структура общества проявляется в речевых характеристиках персонажей, причем паронимическая аттракция является одним из наиболее распространенных приемов создания нестандартной речи.

Второй тип паронимической аттракции используется в речевой характеристике персонажа, прообразом которого является носитель языка, не достигший еще уровня культурного, образованного человека, но в силу определенных причин и прежде всего благодаря своему состоянию попавший в общество образованных людей и стремящийся не отличаться от них. Примером такого персонажа может служить миссис Малапроп в

произведении Р. Б. Шеридана «The rivals»: ... *she's as headstrong as an allegory* (нужно: *alligator*. — М. Л., Ф. В.) *on the banks of the Nile*... «... она упряма, как аллигатор (а не «аллегория») на берегах Нила»; *I am sorry to say, Sir Anthony, that my affluence* (нужно: *influence*. — М. Л., Ф. В.) *over my Niece is very small* «К сожалению, сэр Энтони, мое влияние (а не «позобилие») на племянницу чрезвычайно мало»; *Come, Sir, you're our envoy* (нужно: *convoy*. — М. Л., Ф. В.) — *lead the way, and we'll precede* (нужно: *proceed*) «Ну, сэр, Вы наш сопровождающий (а не «посланник»), ведите, а мы пойдем за Вами (а не «пойдем впереди»)». Миссис Малапроп кажется, что если она будет использовать в своей речи длинные и малопонятные слова, то она сможет утвердить себя в том обществе, членом которого, по существу, она еще не является. И здесь паронимическая аттракция социалингвистически мотивирована, ибо мы опять сталкиваемся с противопоставлением стандартной литературной речи и речи неправильной.

Совершенно особую роль играет третья разновидность паронимической аттракции. Она ограничивается рамками авторской речи и фигурирует в речевых характеристиках персонажей, относящихся к обществу образованных людей. В этом случае паронимическая аттракция является основой игры словами, например: *Angelo: Benefactors! Well, what benefactors are they? Are they not malefactors?* (W. Shakespeare, *Measure for measure*) «Анджело: Добродеев? Какие такие добродее? Уж не лиходеи ли?»; ... *You have, as it appears to me, practised upon the easy-yielding woman, and made her serve your uses both in purse and in person* (W. Shakespeare, *King Henry IV*) «Вы, как мне представляется, злоупотребили доверием этой податливой женщины, заставив ее служить вам и кошельком, и собственной особой». Говорящий в случаях, подобных приведенным, хорошо владеет языком и настолько тонко чувствует всю гамму коннотаций, созданных сложными переплетениями формы и содержания в паронимической аттракции, что может сознательно использовать этот прием для достижения тех или иных стилистических эффектов. Таким образом, эта разновидность паронимической аттракции как бы противопоставлена двум другим, где комический эффект достигался благодаря обыгрыванию ошибочного использования слов в речи людей, недостаточно хорошо владеющих литературным языком.

Итак, реальной онтологией паронимов является паронимическая аттракция в широком смысле как особый факт речи. Функциональный анализ различных видов паронимической аттракции обнаруживает ее социалингвистический характер в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О формах слова. — ИАН ОЛЯ, 1944, № 3.
2. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). — Тр. Ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. 4.
3. Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. М., 1974, с. 8—9.
4. Колесников Н. П. Словарь паронимов русского языка. Тбилиси, 1971, с. 3.
5. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, с. 223—225.
6. Азманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
7. Кузнецова И. Н. Паронимия в современном французском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1977.
8. Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка: Словарь-справочник. М., 1968.
9. Трудности словоупотребления и варианты норм русского языка. Под ред. Горбачевича К. С. Л., 1973.
10. Bernstein Th. M. The careful writer. A guide to good usage. New York, 1965.
11. Fowler H. M. A dictionary of modern English usage. Oxford, 1977.
12. Morris W., Morris M. Harper's dictionary of contemporary usage. New York, 1977.
13. Partridge E. Usage and abuse. A guide to good English. Baltimore, 1977.
14. Room's dictionary of confusibles. London, 1979.
15. Sonnenschein W. S. Five thousand words frequently misspelt. London, s. a.
16. Tennant G. A handbook of English usage. London, 1964.
17. Wessen M. H. Words confused and misused. New York, 1932.
18. Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М. — Л., 1930, с. 59.
19. Давыдов М. В., Феденев В. Б. К вопросу о паронимической аттракции. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, 1979, № 3901.
20. Crosbie J. S. The dictionary of puns. London, 1979.